

ТРУД ЖЕНЩИН ДОНБАССА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ГЕНДЕРНАЯ СОЛИДАРНОСТЬ ИЛИ ПОЛИТИКА В СССР?

И.М. Есип

АННОТАЦИЯ

В статье делается попытка анализа феномена женского движения в СССР за овладение чисто «мужскими» профессиями, раскрывается политика Советского государства в вопросах гендерного равенства и ее реализации в советской модели. Автор пытается определить мотивы, которыми руководствовались женщины, овладевая профессиями горняка, сталевара, тракториста, строителя, совмещая при этом обязанности матери, жены. В статье затрагиваются наиболее острые вопросы роли участия женщин в восстановительном процессе, показываются при этом ведущие позиции женщин в возрождении экономики региона в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: гендер, гендерная солидарность, труд женщин в годы войны, женская история, женское движение.

В современном мире происходит рост роли женщин в обществе. Женщины, исконные обязанности которых состояли в выполнении функций продолжения рода и хранительницы домашнего очага, стали стремительно вторгаться в сферы, которые раньше традиционно принадлежали мужчинам - политику, экономику, управление, науку, армию. Этот феномен XX века, получивший название «женская революция», способствовал кардинальному пересмотру обществом отношения к женщине,

актуалізував на рубежі двох тисячеліть проблему визначення місця і ролі жінки в сучасному світі, особливо в такий період історії як війна.

В історії українського народу події Другої світової і Великої Вітчизняної війни займають особливе місце. По своїй глибині, трагізмі і героїці вони помітно виділяються серед інших і мають епохальне значення. В певній ступені це обумовлено і тим, що до сих пор живі учасники війни, носії історичної пам'яті про неї - ті, хто воював з озброєнням в руках, навчався, працював, відновлював країну. Пам'ять про війну - духовно-історичне надбання народу, яке закладає основи його самодостаточності і самобитності і органічно інтегрує його в загальноцивілізаційний потік, возносить до рівня інших народів, активно творивших історію.

Разом з тим війна - об'єкт історичної науки, охоплює цілий комплекс військово-політичних, дипломатичних, економічних, соціальних, культурно-освітніх, національних, релігійних, морально-психологічних проблем. Враховуючи дихотомічний характер феномена війни, вона завжди привертала підвищену увагу не тільки вчених, але і публіцистів, письменників, кінорежисерів, митців. З однієї сторони, це сприяло патріотичному вихованню, популяризації історичних знань, з іншої - створювало підґрунтя для надмірної ідеологізації, утвердження суб'єктивних оцінок, міфологізації окремих явищ.

Однією з особливостей Другої світової війни була невідання залученості в озброєний конфлікт громадянського населення, в тому числі жінок. Безсумнісно лідером за масштабом жіночого участя в війні виявився Радянський Союз. Жінки замінили ушедших на фронт чоловіків на виробництві і склали переважну частину медичного персоналу військових госпиталів. Вони виконували допоміжні роботи в діючій армії, входили в склад партизанських загонів і, нарешті, воювали порівно з чоловіками на передовій.

Феномен участя жінки в війні складний за силу особливостей жіночої психології, а значить, і сприйняття нею фронтальної дійсності. «Жіноча пам'ять охоплює той материк людських почуттів на війні, який звичайно ускользає від чоловічого уваги, - підкреслює автор книги «У війни - не жіноче обличчя...» Світлана Алексієвич. - Якщо чоловіка війна захоплювала, як діяння, то жінка відчувала і переносила її інакше за силу своєї жіночої психології: бомбівка, смерть, страждання - для неї ще не вся війна. Жінка сильніше відчувала, знову-таки за силу своїх психологічних і фізіологічних особливостей, перевантаження війни - фізичні і моральні, вона важче переносила «чоловічий» біт війни» [1]. В сутності, те, що довелося побачити, пережити і робити на війні жінці, було чудовиським протиріччям її жіночому природі.

Разом з тим, гендерні аспекти історії війни в останні часи стали все частіше привертати увагу дослідників. Проблема жіночого участя в Великій Вітчизняній війні перестала бути тільки частиною перформативної акції - спроби зробити «невидимих солдатів» світової війни помітними. В сучасних дослідженнях жіночого участя в війні акцент поступово зміщується на історію жіночого досвіду війни, вивчення жіночих моделей пам'яті про війну і державної політики по відношенню до жіночому військовому минулому, проблеми конструкції і деконструкції жіночих військових образів, аналіз особливостей жіночої військової психології і жіночого поведіння [2].

Вивчення теми участя жінок в Великій Вітчизняній війні за допомогою методик гендерних досліджень неминуче фокусує увагу на проблемі «сумісності» жінки і війни. Радянська історіографія довгий час виходила з традиціоналістських уявлень про взаємостосунки статей, характерних для

позднего сталинизма и послесталинского СССР. Женщина считалась непригодной для войны в первую очередь из-за своих психобиологических особенностей - слабости, меньшей устойчивости по отношению к стрессам, материнства. Все это нашло отражение в работах С.Алексиевич, В.С.Мурманцевой, В.Я.Галаган, Е.С.Сенявской и др. [3].

Сегодня ряд исследователей пытаются разрушить сложившийся историографический шаблон. Некоторые из них показывают Великую Отечественную войну в длительной исторической ретроспективе, на протяжении которой женщины так или иначе участвовали в защите государства, формируя собственные образцы поведения на случай вооруженного конфликта [4]. Вместе с тем, история участия женщин в Великой Отечественной войне пока остается ненаписанной, несмотря на рост интереса исследователей к этой теме в последние годы.

«Война - дело мужское». Однако в XX столетии участие женщин в войне, причём не только в качестве медицинского персонала, но и с оружием в руках, становится реальностью. Особенно массовым это явление стало в период Второй мировой и Великой Отечественной войн. Советский опыт использования женщин в боевых операциях на фронте, в тылу у мартеновских печей и в угольных забоях наиболее наглядно демонстрировал несостоятельность представлений о войне как «мужской работе», сложившихся в военной истории под воздействием советской концепции гендерного равенства.

После революции политика советского государства в женском вопросе, направленная на вовлечение женщин в общественное производство, способствовала быстрому развитию эмансипации со всеми её последствиями. В результате участие женщин в наиболее тяжёлом физическом труде, приобщение их к традиционно «мужским» профессиям, к занятиям военно-прикладными видами спорта преподносилось общественному мнению как величайшее достижение социализма, проявление подлинного «равенства полов» и освобождение женщины от «домашнего рабства». Идеи эмансипации были наиболее популярны в молодёжной среде, а массовые комсомольские призывы, наборы и мобилизации под лозунгами «Девушки - на трактор!», «Девушки - в авиацию!», «Девушки - на комсомольскую стройку!» и т.д. явились своего рода психологической подготовкой к массовому участию советских женщин в грядущей войне, которая вошла в историю как Великая Отечественная. С её началом сотни тысяч женщин устремились в армию, не желая отставать от мужчин, чувствуя, что способны наравне с ними вынести все тяготы воинской службы, а главное - утверждая за собой равные с ними права на защиту Отечества.

Поэтому, рассматривая вопрос о вовлечении женщин в процесс восстановления народного хозяйства в годы Великой Отечественной войны, не следует забывать об одной очень важной проблеме. Всегда ли было оправданным привлечение женщин к тяжелому физическому труду? И не стало ли в послевоенное время нормой то, что было вызвано потребностью и жизненной необходимостью в суровые годы войны, когда женщина спускалась в забой, стояла у мартеновских и доменных печей, работала на ремонте и прокладке железнодорожных путей?

Проблема рабочей силы в годы Великой Отечественной войны до сегодняшнего дня остается дискуссионной. Ряд авторов трактует ее в духе традиционного для консервативной историографии тезиса о «русском численном превосходстве»: «СССР не испытывал недостатка в рабочей силе» [5]. Однако на самом деле эта проблема была чрезвычайно острой. Другое дело, что ее удалось решить и СССР победил. Неспособность же Германии решить аналогичную проблему наряду с другими факторами, привела ее к поражению [6]. Резкое сокращение числа работающих вследствие мобилизации в армию поставило важнейшую задачу в кратчайшие сроки создать новые трудовые резервы. Ведь только потеря западных территорий СССР и

мобилизация в армию привела к резкому сокращению числа рабочих и служащих в 1942 г. до 18,4 млн., в том числе в промышленности - 7,2 млн., что составляло соответственно 59% и 65,6% к уровню 1940 года [7].

Однако не следует забывать, что тотальная упорядоченность всей тыловой инфраструктуры и общественной жизни военному фактору, с одной стороны, и ограниченность в продовольственных и социально-бытовых ресурсах - с другой, привели к дальнейшему утверждению основных форм режима военного коммунизма. В экономической и социально-политической сферах жизни тыловых районов преобладали методы командно-административной системы управления с характерными для нее сверхцентрализацией, диктатом высших инстанций. Поэтому мобилизация населения производилась насильственными методами по повесткам, порой без учета физических возможностей и здоровья человека (особенно в отношении женщин, имеющих специфические заболевания), не редко с привлечением сотрудников милиции и органов НКВД.

За нарушение постановления либо уклонение от работы предусматривалось не только физическое воздействие (насильственный привод на работу), но и тюремное заключение сроком от 5 до 10 лет лишения свободы с потерей гражданских прав [8]. Жестокие меры наказания порождали крайне негативное отношение местного населения к таким методам мобилизации, что приводило к массовому неповиновению жителей. Так, в г. Сталино из 7049 врученных повесток в комиссию по направлению на работу явилось 4900 человек, а из 38 тыс., подлежащих мобилизации в Сталинской области для работы на восстановление предприятий черной металлургии, только 6840 человек, или 18%, выполнили данное распоряжение [9].

Трудно спорить против того, что такие методы одновременно включали в себя и великие мобилизационные возможности в экстремальных военных условиях. Только в 1943 г. трудовая мобилизация населения дала 7609 тыс. человек, в том числе для промышленности и строительства - 1320 тыс., для работы в сельском хозяйстве - 3830 тыс. и для лесозаготовок - 1295 тыс. человек [10].

Масштабы таких преобразований не могли не поражать современников. «Готовность к самопожертвованию рабочих, главным образом женщин, поскольку многие мужчины были направлены на фронт, была прямо безграничной», - подчеркивает А.Неандер [11]. «Особого восхищения заслуживают советские женщины, сознающие, что они работают на своих мужей, сыновей и братьев, сражавшихся в рядах армии. Этот колоссальный по масштабам трудовой подвиг, совершенный женщинами во время войны как в сельском хозяйстве, так и в промышленности, не имел еще себе равного!» - писал А.Верт [12].

Во многом успех восстановительных работ зависел от наличия трудовых ресурсов. Недостаточное обеспечение кадрами строек и предприятий освобожденных районов ставило под угрозу планы скорейшего возрождения народного хозяйства. Поэтому ГКО и СНК СССР осуществили ряд практических мероприятий, чтобы положительно решить этот вопрос. 10 сентября 1943 г. ГКО запретил мобилизацию в армию рабочих и специалистов угольной промышленности, черной металлургии и электростанций Донбасса. По тем же причинам пришлось пойти на использование труда заключенных и военнопленных, хотя производительность их труда была значительно ниже средней [13].

Однако в условиях острой нехватки рабочей силы в Донбассе без привлечения дополнительных людских ресурсов выполнение предусмотренных объемов работ было невозможно. Несмотря на принятое решения ГКО о мобилизации для работы на шахтах Донбасса 36 300 человек, в том числе 70% мужчин, годных для подземных работ [14], и 38 тыс. для восстановления предприятий черной металлургии, этого было

недостаточно. Тем более, что данные решения выполнялись либо со значительным опозданием, либо в среднем на 18-20% [15].

Сельские жители и городская молодежь привлекались на предприятия Донбасса насильственными методами [16], за уклонение от работ предусматривалось тюремное заключение сроком до 5 лет [17]. Таким способом только по Сталинской области на 05.12.1943 г. было мобилизовано 36 194 человека [18], а всего за годы войны в Донбассе было мобилизовано 290 тыс. колхозников и более 100 тыс. комсомольцев и молодежи, более половины из которых составляли женщины [19]. Так была решена проблема нехватки рабочей силы на стройках Всесоюзной кочегарки.

Однако возникает вопрос - насколько были оправданы и эффективны используемые методы привлечения людей с точки зрения главной задачи - восстановления экономики Донбасса. Полный ответ на этот вопрос мог бы дать сравнительный анализ производительности труда местных жителей, поступивших на производство добровольно, и тех, кто был мобилизован насильственными методами. Но такой анализ практически невозможен из-за отсутствия требуемых данных.

Менее полный, но достаточно весомый ответ на данный вопрос дает анализ состава передовиков, проведенный по признаку - коренной житель или прибывший со стороны. Исследование проводилось на материалах газеты «Правда» (Выездная редакция в Донбассе) за 6 месяцев, с декабря по май 1944 года [20].

Таблица 1.

Распределение передовиков производства, занятых
в народном хозяйстве Донбасса по месту жительства
(декабрь 1943 г. - май 1944 г.)

Месяц	Ударный труд						Героизм в труде	Приезжие, оставшиеся в Донбассе
	мест. жит.		прибывшие		неопредел.			
	индв.	бриг.	индв.	бриг.	индв.	бриг.		
Декабрь	41	5	- " -	- " -	122	1		
Январь	22	11	1	- " -	21	5	5 м	
Февраль	28	11	1	- " -	29	30	2 м	1
Март	24	17	- " -	2	46	28	1 п, 1 м	
Апрель	34	12	22	2	8	27	4 м	11
Май	5	3	6	- " -	1	1		5

м - местные жители

п - приезжие жители

Характерно, но в первые четыре месяца практически все установленные передовики - местные уроженцы. Только в апреле количество ударников из прибывших рабочих увеличивается и достигает 2/3 ударников из числа местных жителей. В мае разница еще более сокращается. Столь резкий перепад между мартом и апрелем в количестве передовиков из числа прибывших связан не со значительным увеличением производительности труда, а с усилением внимания прессы к мобилизованным в связи с развернувшейся кампанией, направленной на закрепление на шахтах и заводах лиц, уже отработавших свой срок на стройках Донбасса.

Инициатива исходила от колхозниц Александровского района Сталинской области Марии и Надежды Клименко, Ольги и Галины Копейко, Екатерины Щербак, которые обратились ко всем колхозникам и колхозницам, прибывшим на предприятия угольной промышленности, с призывом самозакрепиться для постоянной работы в Донбассе [21]. 11 апреля 1944 г. бюро Сталинского обкома партии одобрило эту инициативу [22] и вскоре она получила широкое распространение в Донбассе [23].

Такими методами партийные органы пытались решить проблему трудовых ресурсов региона, которая продолжала оставаться весьма острой.

В целом, только к восстановительным работам на шахты Ворошиловградской области в 1944 г. было привлечено 13731 женщина, или 43,1%, Ростовской области - 8802 женщины, или 40,8% трудящихся, из которых в забое работало 24,5% и 26,2% соответственно [24]. Всего же к восстановительным работам на шахтах Донбасса в 1944 г. было привлечено 56584 женщины, что составило 43,4%, из которых 18695 работало в забое, или 33,1% [25].

Формально привлечение женщин на тяжелые физические работы, в том числе и в тяжелую промышленность, должно было осуществляться на добровольной основе. Однако под нажимом административно-командной системы принцип добровольности не соблюдался. Местные органы власти, желавшие в угоду вышестоящему руководству как можно быстрее отрапортовать о выполнении плана, не взирали ни на какие жертвы, порой даже человеческие. В силу вступал принцип, что война все спишет.

Следствием насильственной мобилизации женщин в угольную промышленность явилось такое явление, как дезертирство новичков с шахт в родные места. О том, насколько массовым было это явление, можно судить по данным треста «Горловскуголь», когда за период с января по декабрь 1945 г. количество лиц, самовольно покинувших шахты, возросло с 53 до 151 человека в месяц. В отдельные месяцы этот показатель достигал 375 и даже 448 человека. В комбинате «Сталинуголь» дезертирство достигло еще большего размаха. В мае 1944 г. шахты комбината самовольно покинуло 1937 человек, в июне - 1100, а в июле - 2045 человек. В целом же дезертирство по Сталинской области приобрело массовый характер, ведь за данный период оно возросло с 3875 человек в мае, до 5156 в июле.

При этом женщины составляли приблизительно 2-3% от общего количества рабочих, которые самовольно покинули рабочие места. Причина столь «терпеливого» отношения к суровым условиям работы лишь одна - это возможность прокормить семью в условиях военного времени, где работа на шахтах рассматривалась как единственный источник получения продовольствия. Причем текучесть кадров была исключительно за счет девушек рождения 1924, 1926, 1927 и 1928 годов. А из регионов Украины, жительницы Ровенской области в 2-3 раза чаще, чем остальные женщины, покидали свои рабочие места [26].

Каковы причины этого явления, толкавшего людей на такие крайние и порой небезопасные в условиях войны и тоталитарного режима действия, как бегство с шахт? Дезертирство было вызвано следующими причинами:

Во-первых, прибывшие мобилизованные рабочие, исключительно сельские жители, впервые встретившись с производственной обстановкой шахт, психологически и идеологически были не готовы к несвойственной для них работе. Местные же руководители угольных предприятий пытались решить эту проблему традиционно: путем идеологического воздействия и даже угроз, нажимом административно-командной системы. Однако это имело зачастую обратный эффект и приводило к самовольному уходу, чаще группами, людей с производства [27].

Во-вторых, неспособностью ряда руководителей шахт понять специфику женского труда, требующего особые гигиенические условия, а также принять, разместить и организовать труд (порой из-за отсутствия элементарных орудий труда - лопат, кирок, обушков) значительного числа вновь прибывшего пополнения [28]. Встречаются факты, когда руководители предприятий, пытаясь прикрыться общими трудностями военного времени, были не готовы принять мобилизованное пополнение: не подготовили ни помещение, ни общежитие, ни питание, оставив людей на произвол судьбы, когда они вынуждены были до 5 суток находиться под открытым небом, даже

тогда, когда шел проливной дождь [29]. Столь равнодушное отношение к прибывшему пополнению не могло не вызвать стремления у последних вернуться домой.

В-третьих, и пожалуй самая главная причина, неудовлетворительные жилищно-бытовые условия, выразившиеся не только в малых заработках ввиду низкой квалификации [30] (а ведь большинство прибывшего пополнения рассматривало свою работу как источник улучшения материального положения в силу того, что заработок в тяжелой промышленности всегда превосходил зарплату остальных категорий населения), но и в недостаточном обеспечении спецодеждой и постельными принадлежностями. Не редки были случаи, когда в общежитиях не было ни ламп, ни воды, а порой и вообще ничего не было, и люди вынуждены были ночевать на полу. А недостаток постельных принадлежностей выражался в отсутствии даже таких элементарных вещей, как матрасы, набитые соломой [31].

Несмотря на принимаемые решения, обеспечение спецодеждой и обувью продолжало оставаться крайне неудовлетворительным [32]. Нередко можно было видеть женщин, одетых в старые спецовки, пиджаки и рубашки с плеч мужа, отца или брата, ушедших на фронт. Даже представитель бригады ЦК ВКП(б), которая подробно в течение 2-х месяцев (с августа по сентябрь 1944 г.) знакомилась с положением дел в Сталинской области в связи с принятием постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 29 июня 1944 г. «О борьбе с дезертирами с оборонных предприятий», старший помощник Главного Военного Прокурора Красной Армии полковник юстиции Иван Бударгин признавал, что отсутствие одежды и обуви является одной из причин дезертирства. Ведь женщины были вынуждены идти в забой порой даже босиком и при отсутствии всякой спецовки, как это было в Никитовке. А такие случаи были далеко не единичные [33].

Не лучшим образом обстояло дело и в снабжении продуктами питания. И если на предприятиях угольной промышленности Сталинской области питание рабочих являлось таким, на которое жаловаться не приходилось [34], то продовольственное снабжение в Ворошиловградской области находилось абсолютно в неудовлетворительном состоянии, что безусловно влияло не только на выполнение плана угледобычи, но и толкало рабочих к уходу с предприятий с целью приобретения продуктов [35].

В-четвертых, тяжелый физический труд был далеко не всем под силу, особенно женщинам. Уровень механизации труда в шахтах был крайне низким: навалка угля в лаве на транспортер выполнялась почти полностью вручную, отбойка была механизирована лишь на 3,2% [36]. А ведь именно на таких, слабо механизированных работах и использовался труд неквалифицированных рабочих, в частности женщин, которые не имели опыта работы в шахтах в предвоенные годы.

В борьбе с дезертирством руководство страны избрало двоякую позицию. С одной стороны, политика носила репрессивно-назидательную направленность, выразившуюся не только в принятии специального постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 29 июня 1944 г. «О борьбе с дезертирами с оборонных предприятий» [37], но и в ужесточении мер наказания [38]. Сбежавшие с шахт осуждались Военным Трибуналом на срок 5 - 8 лет тюремного заключения [39]. Показателен тот факт, что ряд сотрудников прокуратуры, в частности облпрокурор Сталинской области А.Нощенко, считали, что существующие меры наказания недостаточно строги и требовали их ужесточения. По их мнению, именно таким способом, а не решением социально-бытовых проблем, можно будет избежать дезертирства. После издания данного постановления только в Сталинской области было организовано три постоянно действующие сессии Военного Трибунала: в Мариуполе, Горловке, Артемовске и две дополнительно в Макеевке и Торезе [40].

Идеологическое воздействие на население выражалось в работе Выездной редакции газеты «Правда» в Донбассе, посвятившей не один специальный выпуск вопросам дезертирства, важности восстановления шахт Донецкого бассейна. Вместе с тем, в газете отмечалась неспособность ряда руководителей шахт правильно организовывать труд шахтеров, рационально расставить кадры, создать нормальные жилищно-бытовые условия для вновь прибывших рабочих [41]. Сильное влияние оказывала и идеологическая пропаганда. Только в конце 1943 г. в Ворошиловградской области работало 6388 агитаторов, которые провели около 100 тыс. бесед с охватом 1200 тыс. человек, а в Сталинской области работало 11280 агитаторов [42].

С другой стороны, чтобы не допустить текучести кадров, закрепить их на новом месте, предпринимались попытки улучшения материально-бытовых условий. С каждым вновь прибывшим рабочим заключался договор, выдавались безвозвратные ссуды для перевозки семьи и обзаведения индивидуальным подсобным хозяйством. С февраля 1946 г. на основании распоряжения Наркомата топливной промышленности УССР за № 25 была введена бесплатная выдача угля [43]. Введение аккордной оплаты труда с выплатой премии за ускорение восстановительных работ в размере до 50% сдельного заработка также способствовала материальной заинтересованности в результатах работы [44].

Уровень зарплаты был поднят во всей союзной промышленности, но прежде всего в угольной, нефтяной, черной и цветной металлургии, т.е. в тех отраслях, которые составляли основу военной экономики [45]. Если, например, в 1940 г. среднемесячная денежная зарплата рабочих союзной промышленности составляла 375 руб. (в довоенных ценах), то в 1944 г. она поднялась до 573 руб. При этом в угольной промышленности она достигла 729 руб., в черной металлургии - 697 рублей [46].

Нормы продовольственного снабжения рабочих, занятых на восстановлении основных шахт, были доведены до уровня норм снабжения подземных рабочих и составили 1 кг хлеба в день, в отличие от остальных категорий рабочих и служащих, которые получали от 400 до 800 гр. хлеба в день [47].

Репрессивная политика советской власти, а также идеологическое воздействие в сочетании с экономическими интересами давало определенные результаты. Наравне с мужчинами многие женщины-шахтеры значительно перевыполняли нормы выработки. Вчерашние колхозницы Наталья Савченко и Ольга Янченко, прибывшие из Запорожской области на шахту № 14 треста «Боковоантрацит», быстро овладели горняцкими профессиями и из месяца в месяц выполняли свои нормы на 200% [48]. Женская бригада шестнадцатилетней Марии Гришутиной - Екатерина Бабенко, Анна Берлизова, Мария Дроздова, Ирина Раевская - ежедневно выполняли норму на 200%, что стало уже законом для этой бригады.

Сама же Мария Гришутина неоднократно перевыполняла сменное задание, устанавливала рекорды производительности труда. 30 января 1944 г. она за смену нарубила 40 тонн угля, что составило 1145% нормы и тем самым перекрыла рекорд Нины Кузьменко, выполнившей 29 декабря 1943 г. в честь новогоднего праздника 6 забойщических норм, что составило 940% [49]. 15 марта 1944 г. Вера Оракулова установила новый вседонецкий рекорд - она за смену нарубила 71 тонну угля, выполнив задание на 1400% [50]. Однако и этот рекорд долго не продержался. 15 июня 1944 г. Мария Гришутина установила вседонецкий рекорд среди женщин, выполнив сменное задание на 1525% [51].

Таким образом, приход женщин на производство был временной, вынужденной мерой, обусловленной не только тоталитарным режимом государства, но и рядом моральных факторов. Женщины не могли находиться в стороне в столь драматичный период истории. К тому же, для многих из них восстановление шахт и заводов - это

восстановление их благосостояния, возвращение к прежней, довоенной жизни, возможности прокормить свою семью в условиях военного времени.

Кроме идеологического воздействия, большое значение в привлечении женщин к тяжелому физическому труду сыграла и материальная заинтересованность в оплате труда. В суровые, голодные военные годы заработная плата и нормы снабжения шахтеров, металлургов и других «мужских» профессий были выше по сравнению с другими специальностями, что позволяло женщинам хоть как-то прокормить свою семью, детей. А в ряде случаев, приход женщин на шахту, работа в забое или у доменной печи, были едва ли не единственной возможностью не умереть с голоду.

В контексте современных социально-экономических преобразований общества понятие «гендерное равенство» получило несколько определений, которые включают равенство мужчин и женщин перед законом, на рынке труда (т.е. равенство в получении вознаграждения за равнозначную работу и в доступе к экономическим ресурсам), а также равные возможности для выражения своих интересов независимо от пола. То есть, женщины и мужчины должны пользоваться одинаковым общественным статусом, иметь одинаковые условия для реализации всех прав человека, равные возможности вносить свой вклад в национальное, политическое, экономическое, социальное развитие и пользоваться его результатами.

Между тем, в СССР советская модель гендерного равенства получила существенные отличия от европейской, а воплощение концепции эмансипации женщин в первую очередь была направлена на привлечение их к тяжелому физическому труду. Мужчины оставались центром социальной значимости, поэтому успех или неудача женщины на ниве профессионального роста оценивалась критериями иерархии мужских достижений, а получение женщиной «мужской» профессии вызвало неоднозначную реакцию общества: от восхищения и уважения до осуждения. А все преобразования гендерного равенства происходили в условиях патриархального государства, что не могло не отразиться на истории взаимоотношений полов в целом на долгие годы.

Автор предполагает в дальнейшем продолжить исследование данной проблемы, определив черты советской гендерной модели в 50-е годы XX столетия.

РЕЗЮМЕ

У статі розглядається труд жінок в роки Великої Вітчизняної війни, політика радянської влади щодо гендерної рівності та її реалізація у радянській моделі. Автор намагається з'ясувати мотиви, які керувалися жінки, оволодіваючи професіями гірняка, сталевара, тракториста, будівельника, при цьому виконуючи обов'язки матері та дружини.

Ключові слова: гендер, гендерна солідарність, труд жінок в роки війни, жіночі історії, жіночий рух, жіноцтво.

SUMMARY

In the article the author examines the work of women during the Great Patriotic War, the Soviet government's policy on gender equality in the USSR. The author outlines the reasons why women were working on male jobs in mines, in factories and in construction. Women are not only performed the men's work, but also raised the children, feed the her family.

Keywords: Gender, Gender Solidarity, the labor of women in the War Years, women's history, women's motion, women.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Алексиевич С. У войны - не женское лицо... Минск, 1985. - С.117.

2. Шайде К. Коллективные и индивидуальные модели памяти о «Великой Отечественной войне» (1941-1945 гг.) // Россия и война в XX столетии. Взгляд из удаляющейся перспективы: Материалы международного интернет-семинара. - Издательство Аиры, 2005. - С. 119-156.
3. Алексиевич С. У войны - не женское лицо. - М., 2004; Мурманцева В.С. Женщины в солдатских шинелях. - М., 1971; Она же. Советские женщины в Великой Отечественной войне. - М., 1987; Галаган В.Я. Ратный подвиг женщин в годы Великой Отечественной войны. - К., 1986; Сенявская Е.С. Психология войны в XX в.: Исторический опыт России. - М., 1999 и др.
4. Иванова Ю.Н. Женщины в истории Российской армии // Военно-исторический журнал. 1992. - № 3. - С. 86-89.
5. Мировая экономика и международные отношения. - 1980. - № 5. - С. 133-136; История второй мировой войны 1939-1945 гг.: В 12-ти т. - М. - Т.12, 1982. - С. 199-203.
6. История второй мировой войны. - Т. 12, 1982. - С. 199.
7. Там же. - Т.5. - 1975. - С.50; Срав.: Т.7. - 1976. - С.41; Т.12. - 1982. - С.159, 199.
8. Госархив Донецкой обл., ф. 326, оп. 2, д. 36, л. 17; д. 32, л. 54, 56, 61; д. 423, л. 12, 40; д. 37, л. 6; Госархив Луганской обл., ф. Р-1, оп. 3, д. 70, л. 18, 21, 24; д. 71, л. 34.
9. Госархив Донецкой обл., ф. 326, оп. 2, д. 32, л. 61, 74, 75.
10. Вознесенский Н.А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. - М., 1948. - С. 110.
11. Мерцалов А.И. Великая Отечественная война в историографии ФРГ. - М., 1989. - С.125.
12. Верт А. Россия в войне 1941-1945 гг. - М., 1967. - С. 445-446.
13. Центральный государственный архив высших органов власти Украины (далее ЦГАВО Украины), ф. 2, оп. 7, д. 735, л. 12-15; Госархив Луганской обл., ф. Р-2519, оп. 2, д. 101, л. 7.
14. Великая Отечественная война 1941-1945 гг.: События. Люди. Документы: Краткий исторический справочник. - М., 1990. - С. 203.
15. Госархив Донецкой обл., ф. 326, оп. 2, д. 32, л. 72, 74, 75; д. 48, л. 72; д. 44, л. 53.
16. Там же, л. 61.
17. Правда. Выездная редакция в Донбассе. - 1944. - 23 мая. - С. 2; Госархив Донецкой обл., ф. 326, оп. 2, д. 32, л. 56; Госархив Луганской обл., ф. Р-1, оп. 3, д. 70, л. 18, 21, 24; д. 71, л. 34.
18. Госархив Донецкой обл., ф. 326, оп. 2, д. 37, л. 63.
19. ЦГАВО Украины, ф. 2, оп. 7, д. 655, л. 13.
20. Правда. Выездная редакция в Донбассе. - Декабрь 1943 - май 1944 гг.
21. Там же. - 1944. - 15 апреля.
22. Госархив Донецкой обл., ф. 326, оп. 1, д. 402, л. 42-44.
23. Госархив Луганской обл., ф. Р-1, оп. 3, д. 78, л. 109; ф. Р-2504, оп. 1, д. 140, л. 40.
24. Госархив Донецкой обл., ф. Р-2865, оп. 1, д. 3, л. 150.
25. Подсчитано автором по: Госархив Донецкой обл., ф. Р-4249, оп. 2, д. 43, л. 6, 21, 22, 55, 57, 59, 60.
26. Госархив Донецкой обл., ф. Р-4249, оп. 3, д. 218, л. 21; ф. 326, оп. 2, д. 423, л. 4-5, 26, 34; ф. Р-2865, оп. 1, д. 3, л. 87, 111.
27. Госархив Луганской обл., ф. Р-1, оп. 3, д. 1428, л. 82.
28. Правда. Выездная редакция в Донбассе. - 1944. - 16 апреля; 1944. - 4 мая.
29. Госархив Донецкой обл., ф. 326, оп. 2, д. 423, л. 37.
30. Госархив Луганской обл., ф. Р-1, оп. 3, д. 1428, л. 82.
31. Госархив Донецкой обл., ф. 326, оп. 2, д. 423, л. 22, 26; Госархив Луганской обл., ф. Р-2504, оп. 1, д. 140, л. 41; ф. Р-1, оп. 3, д. 1428, л. 82.

32. Архивы Украины. - 1974. - № 1. - С. 33.
33. Госархив Донецкой обл., ф. 326, оп. 2, д. 423, л. 1-2, 13; Госархив Луганской обл., ф. Р-2519, оп. 2, д. 101, л. 82.
34. Госархив Донецкой обл., ф. 326, оп. 2, д. 423, л. 13.
35. ЦГАВО Украины, ф. 2, оп. 7, д. 655, л. 30; Центральный государственный архив общественных организаций Украины (далее ЦГАОО Украины), ф. 1, оп. 23, д. 161, л. 7-8; Госархив Луганской обл., ф. Р-2519, оп. 2, д. 101, л. 82.
36. ЦГАОО Украины, ф. 1, оп. 23, д. 162, л. 8.
37. Госархив Донецкой обл., ф. 326, оп. 2, д. 423, л. 1.
38. ЦГАОО Украины, ф. 1, оп. 23, д. 47, л. 16-17; д. 58, л. 4-5.
39. Правда. Выездная редакция в Донбассе. - 1944. - 23 мая.
40. Госархив Донецкой обл., ф. 326, оп. 2, д. 423, л. 39, 47.
41. Правда. Выездная редакция в Донбассе. - 1944. - 4 мая.
42. Госархив Луганской обл., ф. 179, оп. 2, д. 559, л. 48; Госархив Донецкой обл., ф. 326, оп. 10, д. 632, л. 12.
43. Госархив Луганской обл., ф. Р-2504, оп. 1, д. 140, л. 40; ф. Р-2519, оп. 2, д. 101, л. 82.
44. Емченко Г.Г. Годы суровых испытаний. Из истории партийных организаций Донбасса в период Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). - Луганск, 1961. - С. 169.
45. ЦГАВО Украины, ф. 2, оп. 7, д. 733, л. 33.
46. Вознесенский Н.А. Указ. соч. - С. 117.
47. ЦГАОО Украины, ф. 1, оп. 23, д. 164, л. 68-70; Подвиг тыла. Документы, материалы газет и радио военных лет, дневники, письма, воспоминания. - М., 1970. - С. 153-154.
48. Правда Украины. - 1944. - 17 июня.
49. Кочегарка. - 1944. - 15 октября; 1944. - 1 февраля; 1944. - 3 января.
50. Правда. Выездная редакция в Донбассе. - 1944. - 16 марта.
51. Кочегарка. - 1944. - 18 июня.